

XLV Виноградовские чтения в МГУ

15 января 2014 г. на филологическом факультете МГУ состоялись XLV Виноградовские чтения. Тема чтений – «Имя и глагол в языковой системе и в науке о языке XX–XXI вв. (Уроки В.В. Виноградова)». В программу чтений было включено восемь докладов, в которых была представлена самая широкая проблематика в рамках разнообразных лингвистических дисциплин – науковедения, общей грамматики и типологии, текстологии, семантики и синтаксиса. С докладами выступили научные сотрудники академических институтов, преподаватели московских и петербургских вузов.

Открыла чтения декан филологического факультета проф. М.Л. Ремнева, которая во вступительном слове отметила, что 2014 год – это год трех лингвистических юбилеев: 150-летия со дня рождения А.А. Шахматова, учителя В.В. Виноградова, 120-летия со дня рождения В.В. Виноградова (эта дата установлена краеведами г. Зарайска) и год юбилея ученицы В.В. Виноградова Г.А. Золотовой.

Н.К. Онипенко (Москва) в докладе «Имя и глагол в Виноградовской школе русской грамматики» обратилась к трудам своего учителя – проф. Г.А. Золотовой, имя которой в лингвистической среде связывается прежде всего с синтаксисом предложно-падежных форм существительного. Именная составляющая русской грамматики стала основой для функционального синтаксиса Г.А. Золотовой и воплотилась в ее «Синтаксическом словаре» (1988 г.). Н.К. Онипенко показала, что идея косвенного падежа подлежащего, которую Г.А. Золотова отстаивает с 1960-х гг., является следствием паритета имени и глагола в синтаксисе предложения, тем самым Г.А. Золотова утверждает взаимозависимость и семантико-синтаксическое взаимодействие конститутивных компонентов модели предложения. Такой подход, связанный в русской грамматике с отказом и от вербо-, и от номиницентризма, в зарубежной лингвистике получил название «грамматики конструкций». Это направление начало активно развиваться за рубежом в 1990–2000-е гг. и получило признание в отечественной лингвистике в 2010-е гг. Следующим шагом в развитии функционального синтаксиса Г.А. Золотовой стала семантико-синтаксическая классификация глаголов, в которой исходной точкой мышления выступает не глагол, а семантика и структура модели предложения. Глагольная проблематика позволила перейти от синтаксиса предложения к грамматике текста. На этом этапе Г.А. Золотова уделяет особое внимание глагольному виду и, развивая идеи

В.В. Виноградова, вводит понятие функции видо-временной формы глагола, которое распространяется и на именные предикаты. Заключительную часть доклада Н.К. Онипенко посвятила категории лица. В «Грамматическом учении о слове» Виноградова эта категория является общей для имени существительного, местоимения и глагола; в виноградовской стилистике художественной речи категория лица – основа текстовой категории «образа автора»; в концепции коммуникативной грамматики (1990–2000-е гг.) категория лица воплощается в модели субъектной перспективы текста.

Чл.-корр. РАН В.М. Алпатов (Москва) в докладе «О понятии части речи» возвратился к своим идеям, высказанным в работах второй половины 1980-х гг. Вопрос о частях речи докладчик назвал «вечным» вопросом в лингвистической проблематике. В докладе было уделено внимание разным частеречным классификациям, обсуждалось значение греческой и латинской античной традиции для современных европейских и восточных языков, разные подходы к количественному составу частей речи в разных языковых системах. Докладчик рассмотрел четыре принципа классификации частей речи: семантический, морфологический, синтаксический и «основанный на интуиции» (т.е. учитывающий все или часть из вышеперечисленных признаков) – и их роль в частеречных классификациях языков разной типологии. Было показано, что есть понятия, которые в разных языках категоризируются одинаково, – это несомненные действия, качества, предметы. Но есть и такие понятия, которые в разных языках категоризируются по-разному, это касается разграничения действия / качества, качества / состояния, например в японском языке *богатый* – глагол, а *болеть* – прилагательное. Докладчик считает, что, несмотря на неуниверсальность и самого понятия части речи, и количества частей речи, фактически представление о частях речи можно видеть в европейской, индийской, арабской, японской традициях, где независимо друг от друга были разграничены имя и глагол. Объективность и важность этого глобального категориально-лексического членения находят подтверждение в данных психолингвистики и детской речи.

Два выступления в программе чтений были посвящены вопросам падежной грамматики в русском языке; русский падеж был представлен в свете разных научных теорий.

В выступлении А.Ф. Дремова (Москва / Республика Корея) «Системная теория падежа и предлога» была изложена общая классификация падежей. Исследователь обратился

к трудам Г.П. Мельникова, в которых падеж понимается как результат «сворачивания» простейшего предложения, построенного по субъектно-предикатной модели, как средство компрессированного первообразного текста. Для семантической интерпретации падежных значений в докладе использовались залоговые и конверсные трансформации простого предложения (ср. тот же прием в «текстовой теории русских падежей» Ю.С. Степанова). Текст понимается как последовательность потенциальных «перифраз», каждая из которых позволяет выявить системное значение падежа.

Я.Г. Тестелец (Москва) в докладе «Регулярные падежные чередования в русском языке: случайны ли сходства между ними?» обратился к четырем типам «падежных чередований»: 1) именительный / творительный падеж именного сказуемого при выраженной финитной связке: *Он был учитель – Он был учителем*; 2) именительный / винительный падеж, чередующийся с творительным в присказуемых именах: *Он пришел первый – Он пришел первым*; 3) именительный / винительный, а также винительный / родительный при отрицании: *Письмо не пришло – Письма не пришло; Мы не получили письмо – Мы не получили письма*; 4) винительный / родительный падеж при интенциональных глаголах: *Жду автобус – Жду автобуса*. По мнению докладчика, их объединяют два признака. Первый признак состоит в том, что в каждом чередовании участвует один из двух «прямых» («грамматических», или «структурных») падежей – именительный или винительный. Второй общий признак – расплывчатость или диффузность семантики чередований: несмотря на усилия множества исследователей и самые эффективные инструменты семантического анализа, до сих пор нет общепринятого ответа на вопрос, что означают эти чередования; в части случаев каждое из четырех чередований, по-видимому, не выражает никакого различия в семантике. Докладчик поставил своей целью обосновать структурную возможность подобных чередований: основываясь на структуре других именных конструкций, которые возможны только в контекстах прямых падежей (*много ошибок; немало сотрудников; около пяти человек; по груше; что за вопрос...*) и на данных типологии падежа, Я.Г. Тестелец выдвинул гипотезу, что при падежных чередованиях косвенный падеж выбирается в зависимости от скрытых факторов падежного управления – нулевого предложения, нулевого квантора или нулевой нефинитной связки. Было выдвинуто предположение, что такие нулевые грамматические элементы характеризуются неопределенным, диффузным значением – подобно невыраженным глаголам

в безглагольных конструкциях, характерных для разговорной речи (*Его бы сейчас сюда*).

М.Я. Дымарский (Санкт-Петербург) в выступлении «Номиноцентризм vs. вербоцентризм в русской грамматической науке» показал, что известная оппозиция, вынесенная в заглавие его доклада, в реальности является оппозицией бицентрического и моноцентрического подходов к интерпретации синтаксической структуры предложения. В аспекте моноцентризма / бицентризма были рассмотрены синтаксические учения XVIII–XX вв.: концепция М.В. Ломоносова; размышления Н.И. Богородицкого, за полвека до А.А. Шахматова близко подошедшего к понятию односоставного предложения (1868); теория А.А. Дмитриевского, послужившая предтечей «крайнего вербоцентризма» (В.Г. Гак) Л. Теньера. Особое внимание было уделено одному из наиболее последовательных проявлений моноцентрического подхода – версии грамматики зависимости, разрабатываемой группой лингвистов под руководством акад. Ю.Д. Апресяна в рамках современной объяснительной лексикографии. Докладчик обосновал мнение, согласно которому абсолютизация моноцентрического подхода может привести к синтаксическим решениям, противоречащим лингвистической интуиции.

В докладе И.И. Макеевой (Москва) «О взаимосвязи лексической семантики и текста в диахронии (на материале глаголов движения)» обсуждались проблемы лексико-семантической эволюции глаголов, развития вторичных (метафорических) значений, связанных с обозначением другого субъекта, иным способом, в другой среде. В русском языке XI–XVII вв. движение-перемещение в водной среде обозначали десять основных глаголов, частотность которых в письменных источниках была разной. У *плуты / плавати* и *брести / бродити* обозначение движения в воде было исконным; у *ити / ходити*, *ехати / ездити*, *бегати / бежати* развилось в процессе семантической эволюции слов. Движение-перемещение судна и человека на судне обозначалось глаголами *бежати*, *ити / ходити* и *плуты / плавати*. Только передвижение человека на судне передавали глаголы *ехати / ездити* и *бегати*. Две пары глаголов *плуты / плавати*, *брести / бродити* и глагол *ходити* обозначали активное и пассивное (умение держаться на воде) движение человека и / или животного. Значения фиксируются у слов в разное время. Синонимическими связями глаголов обусловлено их варьирование в списках одного из «морских» сказаний о чудесах св. Николая Мирликийского – «Сказания о трех друзьях», известного в списках XV–XVII вв. В этом тексте находится

также несколько редких употреблений глаголов *бродити* и *плавати*, когда они передают пассивное движение. Сделанные в списках сказания лексические замены отражают две тенденции: во-первых, за счет использования глаголов с вторичной семантикой движения в водной среде ее обозначение уходит на второй план, уступая место общей идее перемещения; во-вторых, среда перемещения актуализируется за счет употребления глаголов *плутти* / *плавати*, которые появляются и в других сказаниях, отражая процесс экспансии этого слова в поздний старорусский период.

В докладе И.М. Кобозевой (Москва) «Семантика и синтаксис глаголов эмиссии» рассматривался подкласс перцептивных глаголов проявления, включающий глаголы света (*светити* и др.), звука (*шумети* и др.), запаха (*пахнути* и др.) и температурные глаголы (*гreti* и др.). В основе всех глаголов данного подкласса лежит единая концептуальная схема эмиссии. Схема выявляется из анализа внутренней формы синонимичных глаголам эмиссии коллокаций (ср.: *испускать свет / звук / запах / тепло*), содержащих полузнаменательный лексико-функциональный глагол типа *Operl* (*испускать* или его синоним *издавать*, *изливать* и т. п.) с прямым дополнением, выраженным именным коррелятом глагола. Обнаруживаются как общие семантико-синтаксические и деривационные свойства базовых глаголов эмиссии, так и особые свойства глаголов каждой из четырех семантических групп, выделяемых по параметру сенсорной модальности. Был сделан вывод о том, что различия между группами в аспекте актантно-ролевой структуры когнитивно мотивированы: они обусловлены особенностями восприятия человеком обозначаемых физических и химических явлений.

Программу чтений завершал доклад Н.В. Николеньковой (Москва) «Глагол *числити* в переводе Атласа Блау и история существительного *числитель* у В.В. Виноградова», в котором была затронута проблема постановки ударения в существительных, мотивированных глаголами. Эту общую грамматическую проблему обсуждал В.В. Виноградов в «Истории слов» в связи с существительным *числитель*,

опираясь на взгляды В.А. Богородицкого и Л.Л. Васильева. Вслед за Богородицким Виноградов объяснял ударение в современном слове *числитель* украинско-польским влиянием. Н.В. Николенькова, исследовав акцентированные памятники того же периода, высказала мнение, что на основании только Атласа Блау нельзя сделать вывод о украинско-польском влиянии. История создания перевода, личность переводчиков и писцов нуждается в дополнительных исследованиях и сопоставлении с другими акцентированными источниками того же периода. Предварительные выводы Н.В. Николеньковой связаны с ориентацией текста не на разговорный, а на книжный язык Московской Руси XVII в.

XLV Виноградовские чтения в МГУ продемонстрировали высокий научный уровень современной русистики, в которой существует преемственность между разными поколениями исследователей и в которой сосуществуют разные научные парадигмы, направления и подходы, позволяющие представить языковую систему с разных теоретических позиций. Чтения подтвердили значимость виноградовской грамматической теории, которая продолжает развиваться в трудах его учеников; современные лингвисты, возвращаясь к идеям академика В.В. Виноградова и к тем объектам, которыми он занимался, получают импульс для новых исследований, для того, чтобы по-новому увидеть и интерпретировать языковые явления.

Н.К. Онипенко, Е.Н. Никитина

Сведения об авторах:

Надежда Константиновна Онипенко
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН
onipenko_n@mail.ru

Елена Николаевна Никитина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН
yelenon@mail.ru